УДК314.7.003 (470.5)
ББК 60(2Рос) С69

Александр Иванович Кузьмин
доктор социологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник,
Уральское отделение Российской академии наук,
Институт экономики
(Екатеринбург, Россия), e-mail: kuz53@list.ru

Социально-экономические факторы рождаемости в свете концепции демографического перехода[1]

Статья посвящена анализу социально-экономических факторов рождаемости в регионах России. Концептуальной основой работы выступает гипотеза второго и третьего демографического перехода. Автор пытается применить модель демографической транзиции к объяснению причин сложившейся демографической ситуации в Забайкальском крае. Используя схему второго демографического перехода, автор приходит к выводу о необходимости рассматривать динамику уровня рождаемости и смертности в Забайкалье в границах четвёртой и пятой фазы длительной эволюции демографических процессов Забайкальского края в рамках второго демографического перехода. Предложенная гипотеза не исключает учёта влияния конкретных факторов уровня жизни и занятости населения на имеющийся уровень рождаемости в семье и на меняющуюся структуру причин смертности населения. В статье приводятся примеры результатов исследования сохранившейся на территориях Сибири мотивации на многодетный образ жизни в различных этнических группах населения.

Ключевые слова: население, демографическая транзиция, замещение поколений, условия жизни, фактор, рождаемость, смертность, демографическое поведение, менталитет, ценность, установка, семья, мотивация репродуктивного поведения, прогноз.

Aleksandr Ivanovich Kuz'min
Doctor of Sociology, Professor,
Leading Researcher,
Institute of Economics,
Ural Branch, Russian Academy of Sciences
(Ekaterinburg, Russia), e-mail: kuz53@list.ru

Socio-Economic Factors of Fertility in Light of the Concept of Demographic Transition

This article analyzes the socio-economic factors of fertility in the regions of Russia. The conceptual basis of the study is a hypothesis of the second and the third demographic transition. The author tries to apply the model of demographic transitions to explain the reasons of current demographic situation in Zabaikalsky krai. Using the model of the second demographic transition, the author comes to the conclusion that one should consider the dynamics of fertility and mortality in Zabaikalye within the fourth and the fifth phases of long evolution of demographic processes in Zabaikalsky krai within the scope of the second demographic transition. The proposed hypothesis does not exclude taking into account the impact of specific factors, quality of life and employment for the current level of fertility in the family and the changing structure of the causes of death. The article gives examples of theresearch results in Siberia showing that different ethnic groups are motivated to have many children.

Keywords: population, demographic transition, replacement of generations, living conditions, factor, fertility, mortality, demographic behavior, mentality, value, attitude, family, reproductive behavior motivation, outlook.

[1]Публикация подготовлена при поддержке Программы УрО РАН «Энтропийно-вероятностный подход к описанию риска, деградации и устойчивого развития сетей критичных инфраструктур». Проект № 12-М-127-2049.
Публикация подготовлена при поддержке Гранта РГНФ № 13-33-01028 «Социокультурные факторы и мотивы маятниковой миграции в приграничных районах России».

© А. И. Кузьмин, 2013

Исторически термину демографического перехода предшествовал термин демографической революции, который понимался как радикальный исторический период относительно быстрых необратимых изменений, происходящих в структуре воспроизводства и замещения поколения (А. Ландри и Леон Рабинович). В настоящее время большинство исследователей склонны трактовать модернизации демографических процессов как модели демографического перехода (термин, введённый Франком Нотештейном). В парадигме советских демографов по проблеме демографической революции в СССР и России много писал в своё время А. Г. Вишневский, полагаясь на существование некоего механизма гомеостаза в системе регуляторов процесса замещения поколений [3, с. 14–19, с. 218–219]. В конце XX в. Ван де Каа и Рон Лестаж вводят в научный оборот понятие «второго демографического перехода» [8, p. 5–10]. Следует признать, что на макроуровне теория демографического перехода слабо учитывает аксиологические аспекты регуляции демографического поведения и придаёт чрезмерное значение институциональным и неоинституциональным интерпретациям эволюционных, цикличных и кризисных сдвигов социально-экономического характера. На микроуровне тема социально-экономических факторов воспроизводства населения России интерпретируется с позиции влияния факторов (условий) экономической жизнедеятельности на аффективную, когнитивную и мотивационную стороны репродуктивных, самосохранительных, брачных и миграционных установок личности или малой социальной группы (обычно семьи). При этом демографическое поведение интерпретируется как система действий и отношений, опосредующих наступление того или иного демографического события (обычно тривиального) в период всего существования индивида (мужчины или женщины) или на протяжении жизнедеятельности целого поколения [2, с. 16].

Схему демографического перехода от неконтролируемых обществом высоких уровней рождаемости и смертности к планируемой семье и завершённому эпидемиологическому переходу можно изобразить в виде эластичных кривых, в динамике анатомически напоминающих «мышцу расслабленного бицепса» руки (рис. 1).

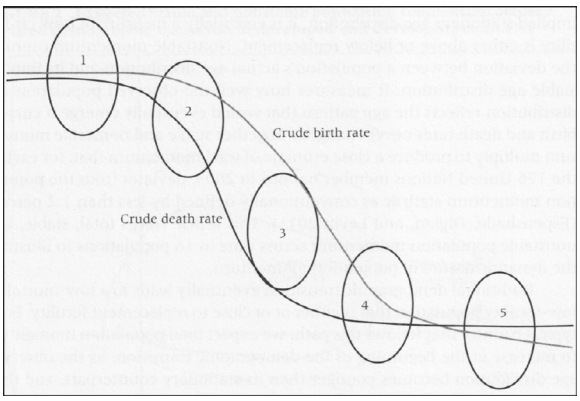

Рис. 1. *Пять стадий моделируемого демографического перехода (транзиции – по интерпретации Лауры Блю и Томаса Эспеншейда [4]*
**Crude birth rate – Общий коэффициент рождаемости, ‰*
***Crude death rate – Общий коэффициент смертности, ‰*
1 – претранзиционная стадия;
2 – ранняя транзиционная стадия;
3 – средняя транзиционная стадия (максимальные показатели естественного прироста);
4 – поздняя транзиционная стадия;
5 – собственно второй демографический переход (транзиция)

Наиболее молодые по возрастной структуре и агрессивному поведению смертности сообщества располагаются на первой и второй фазе демографического перехода. В процессе демоперехода происходит кардинальное изменение ценности детей для родителей. Изменяется мотивационная и когнитивная сторона репродуктивной установки. Американский психолог польского происхождения Исаак Айзен (Ajzen) продвигает этот аргумент об установке в контексте теории запланированного поведения (Ajzen 1985, 1991). И. Айзен разработал концепцию мотивированного действия, позже получившую название «теории запланированного поведения» [7]. Теория запланированного поведения исходит из того, что поведение предсказуемо и контролируется волей, которая достаточно широко используется для предсказания поведения в различных ситуациях. Так же, как у идеологов социологии рождаемости (А. И. Антонов и др. [1]) в теории «запланированного поведения», поведение человека определено личными факторами (отношение к поведению), социальным влиянием и давлением (субъек-

тивные нормы) и индивидуальным ощущением возможности реализовать установки и репродуктивные планы. Отличие от сторонников теории убывания потребности в детях в концепции того же И. Айзена заключается в признании ведущей роли *«ограничительного»* фактора рождаемости.

В условиях третьего демографического перехода (на рис. 1 см. 5-ю фазу) на воспроизводство населения и его демографическое поведение активно влияют процессы активизации внешней и внутренней трудовой, транзитной и интеллектуальной миграции. Такая интерпретация демографических процессов вызывает ожесточённые споры у специалистов. Фактически специалисты констатируют в настоящее время некий кризис парадигмы демографического перехода и необходимости вернуться к институциональным и кластерным моделям в демографии. Многие исследователи, указывая на наличие в России мощного фактора «экономики мигрантов», говорят уже о «четвёртом» демографическом переходе, который сформирует в стране новую этно-демографическую полиэтническую общность в форме своеобразного «микснаселения». Историческим примером сильного влияния миграции на региональную модель демографического перехода демонстрируют территории «большого Урала». На Урале в основном демографический переход произошёл действительно в революционные сроки – с 1926–1928 гг. по 1979–1989 гг., когда невероятно высокие суммарные коэффициенты рождаемости в рабочей и крестьянской среде (7,2–6,8 детей в среднем на женщину за всю её жизнь) были заменены тревожными показателями 1,8–1,9. К настоящему периоду уровни воспроизводства населения в регионах России практически выровнялись и сблизились, региональная специфика проявляет себя ещё очень заметно благодаря этническому и религиозному фактору, особенно на сельских территориях.

Статистика общей рождаемости и смертности подтверждает, что демопереход в Забайкалье в условиях своей четвёртой и пятой фазы («русский крест») практически полностью идентичен картине, которая наблюдается на Урале.

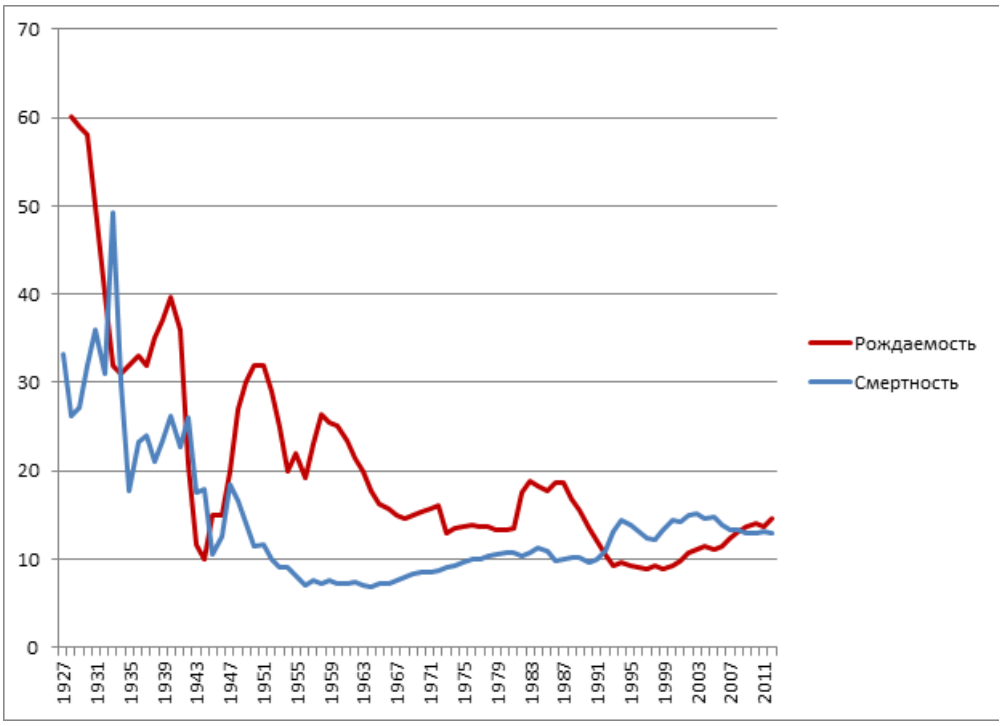

Рис. 2. *Динамика общих коэффициентов рождаемости и смертности на Урале за 1927–2011 гг. [4, с. 34–35; 154–172]*

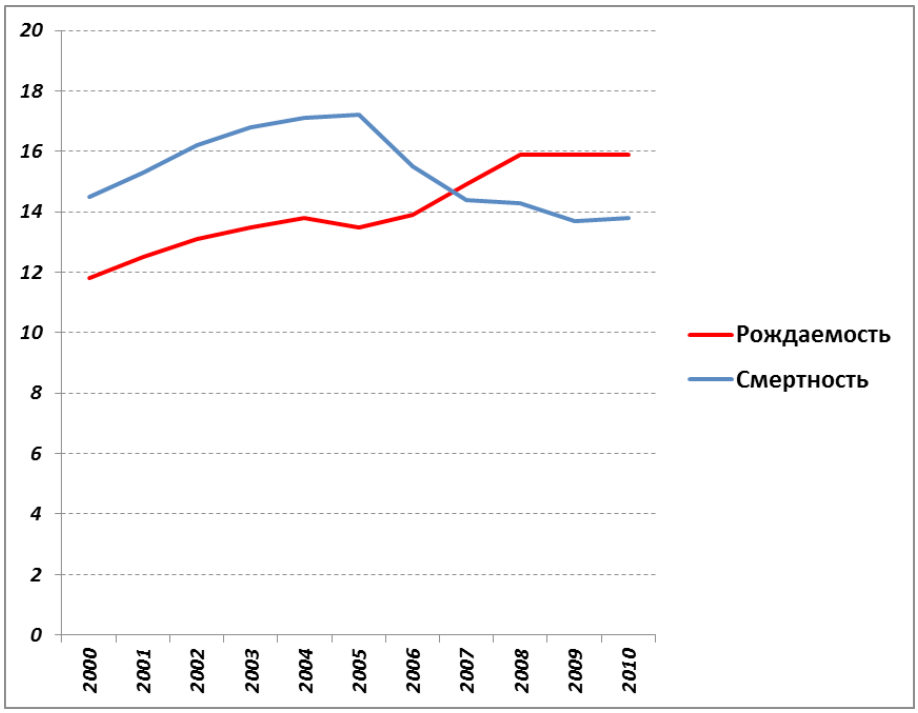

Рис. 3. *Забайкальская динамика общей рождаемости и смертности после Миллениума*

Судя по демографической статистике, кумулятивная рождаемость в большом кластере Российских регионов, где воспроизводство населения оценивается в пределах от 0,7 до 0,8 единицы, демографическая ситуация квалифицируется нами как плохая. К группе регионов с неудовлетворительной величиной режима замещения поколений относятся соседи Забайкальского края – Амурская область (R-нетто = 0,737), Еврейская автономная область (0,734), Хабаровский и Приморский край (0,711 и 0,702). В результате демографического перехода в подавляющем числе российских регионов установились показатели суммарной рождаемости в пределах двухдетных норм образа жизни семьи. Проведённые расчёты величины брутто-коэффициентов по территориям Забайкалья подтверждает тревожное положение с уровнем воспроизводства населения и замещения материнских поколений дочерними, сложившееся в Забайкалье в первое десятилетие нового столетия.

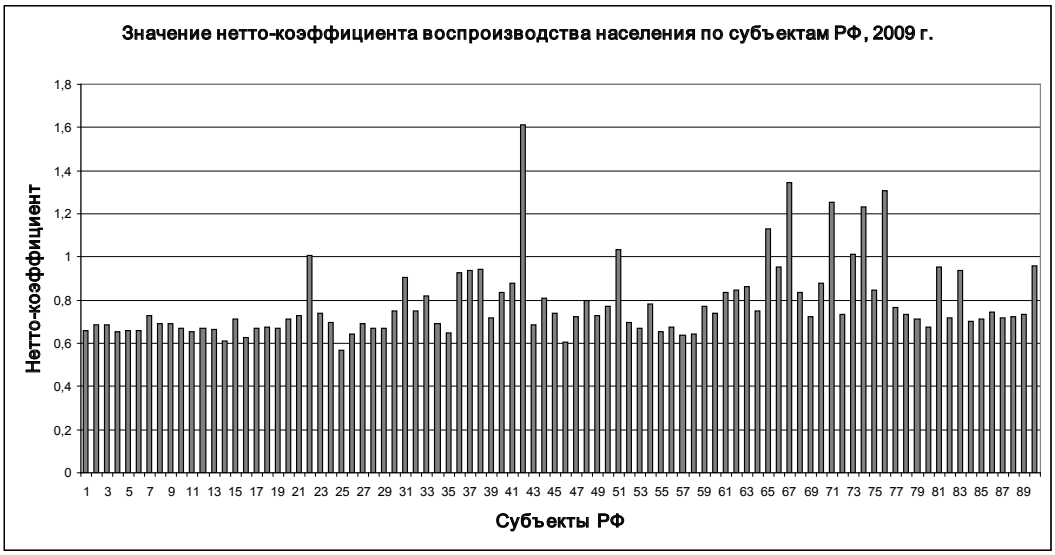

Рис. 4. *Уровень воспроизводства населения в регионах России**

** Субъекты Федерации расположены согласно перечню Росстата РФ, Забайкалье занимает 70 позицию – и находится ниже уровня простого замещения поколений*

К регионам с неудовлетворительным состоянием дел нужно отнести субъекты Российской Федерации, расположенные по убыванию величины нетто-коэффициента воспроизводства населения в интервале от 0,9 до 0,8 долей единицы (табл. 1).

Таблица 1

Регионы России, имеющие «слегка суженный» режим замещения поколений в 2009–2010 гг.

Регионы России	***Суммарный коэффициент рождаемости***			***Нетто-коэффициент воспроизводства населения, в долях единицы***		
	Всего	***Город***	***Село***	***Всего***	***Город***	***Село***
Забайкальский край	1,842	1,776	1,994	*0,881*	0,849	0,954
Республика Северная Осетия-Алания	1,842	1,785	1,941	*0,881*	0,854	0,928
Ямало-Ненецкий авт. округ	1,799	1,628	2,827	*0,860*	0,779	1,352
Ханты-Мансийский авт. округ-Югра	1,773	1,752	2,009	*0,848*	0,838	0,961
Иркутская область	1,768	1,611	2,421	*0,846*	0,770	1,158
Республика Хакасия	1,752	1,572	2,199	*0,838*	0,752	1,052
Тюменская область	1,751	1,654	2,165	*0,837*	0,791	1,035
Карачаево-Черкесская Республика	1,749	1,525	1,942	*0,836*	0,729	0,929
Астраханская область	1,71	1,638	1,847	*0,818*	0,783	0,883
Республика Башкортостан	1,692	1,522	2,006	*0,809*	0,728	0,959
Удмуртская Республика	1,672	1,471	2,197	*0,800*	0,703	1,051

Основная причина исторического перехода к малодетности в регионах России заключается в угасании социально-экономических ценностей деторождения. Дети как источник экономических ценностей и благ для родителей в условиях современной урбанизированной культуры утратили своё значение. Экономическая ценность деторождения имеет смысл в аграрных и труднодоступных ареалах расселения россиян. Получить непосредственные данные о существовании многодетности в настоящее время в России эмпирически достаточно трудно. Но они у нас есть. Так, в программу социологического обследования алтайской семьи в районе р. Катунь, проведённого под руководством Т. И. Светловой (НРО «Полярэкс») в 1989 г., по нашей инициативе были включены индикаторы репродуктивной мотивации. В ходе обследования опрошено 359 мужчин и 662 женщины. Наиболее высокие уровни ожидаемого числа детей характерны для национальных сёл и традиционных ареалов расселения алтайцев (283–275 детей в расчёте на 100 семей), тогда как в урбанизированных зонах и смешанных по национальному составу сёлах ожидаемое число заведомо меньше уровня простого замещения поколений и составляет 237–222 ребёнка в расчёте на 100 семей. Был выявлен баланс экономических и чувственных ценностей детей в многодетной семье. Так, в алтайском периферийном селе Каспа в семьях с тремя детьми и более на мотив помощи детей по дому и хозяйству сослалось 47,6 % опрошенных, на продолжение рода и фамилии (социальный мотив) – 59,5 %, на значение материальной помощи от детей в старости – 16,7 %. В то же время, на желание иметь малыша указало всего 4,8 %, а вот на «любовь к детям» – 52,3 % и на потребность в общении с детьми – половина опрошенных.

Мотивация сельской рождаемости изучалась нами на примере Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) на протяжении последних 20 лет. В 2008–2009 гг. было предпринято изучение репродуктивного и самосохранительного поведения сельского населения на примере ХМАО-Югры, которое вновь показало повышенный вес социально-экономических мотивов деторождения в сельских семьях. Проведённое в 2008–2009 гг. выборочное обследование 963 респондентов в Ханты-Мансийском районе ХМАО включало индикаторы репродуктивного и самосохранительного поведения. В целом, среднее желаемое число детей у обследованных женщин составило 2,72, тогда как у мужчин – 3,16. Мужчи-

ны ориентированы на большее число детей с точки зрения потребности в детях в сельских районах. Вообще, социально-психологическая мотивация преобладала во всех поселениях ХМРН, но не в мотивах «любви и ласки», а в получении эмоционально-чувственного удовлетворения от общения с малышом (34–25 % к итогу по поселениям). Заметно выделялась на этом фоне ценность «помощь детей родителям в старости» в таких поселениях, как Цынгалы (19,4 %), Кышик (18,2 %), Луговское (11,5 % к итогу) и желание «продолжить род и фамилию (Нялинское – 26,7 %). В селе Луговское, в посёлках Красноленинский, Цынгалы на данный мотив сослался каждый десятый. *Столь высоких значений в городской среде данные мотивы, как правило, не достигают.*

Результаты проведённого корреляционно-регрессионного анализа (методом множественной корреляции) связей социально-экономических переменных с суммарным коэффициентом рождаемости по регионам (субъектам РФ) в целом выявили следующую иерархию переменных суммарной рождаемости (иерархия построена в порядке убывания положительных и нарастания отрицательных значений переменных, табл. 2).

Таблица 2

Влияние территориальной дифференциации социально-экономических факторов уровня жизни и занятости на суммарную рождаемость в России

Ведущие социально-экономические факторы, влияющие на суммарную рождаемость в России	***Показатели***	***Величина коэффициента корреляции (ковариации) (R)***	
		Россия	***Забайкальский край***
Ожидание улучшения социально-экономической ситуации	(X_{13}) – индекс ожидаемых изменений экономической ситуации в России через год (ИОЭК), % *	0,775	-0,530
Инвестиционная активность	(X_1) – инвестиции в основной капитал на душу населения региона, рублей в год	0,212	0,195
Доступность здравоохранения	(X_2) – обеспеченность услугами здравоохранения, человек	0,198	-0,278
Уровень доходов населения	(X_3) – среднедушевые денежные доходы (до 1998 г. – в тыс. р.), рубль – значение показателя за год	0,161	0,366
Гендерный аспект оплаты труда	(X_4) – средняя заработная плата по полу женщины, мужчины, рубли	0,077 0,056	0,370 -0,065
Социальная стратификация общества	(X_5) – коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)	-0,005	0,239
Экономическая активность населения	(X_6) – уровень экономической активности (женщин), % занятых и зарегистрированных безработных	-0,02	0,408
Экономический рост	(X_7) – валовый региональный продукт на душу населения (ВРП), рубли	-0,039	0,404
Уровень развития рынка жилья	(X_8) – средние цены на рынке жилья за 1 кв. метр общей площади, рубль, первичный рынок жилья, все квартиры различных типов	-0,086	-0,061
Покупательная способность населения	(X_{12}) – оборот розничной торговли на душу населения, рублей в год	-0,225	0,101
Уровень развития социальных сетей	(X_9) – число подключённых терминалов сотовой подвижной связи на 1000 населения	-0,301	-0,648
Уровень материальной обеспеченности и статуса семьи	(X_{10}) – обеспеченность населения собственными легковыми автомобилями (на конец года; в расчёте на 1000 населения), штука	-0,475	-0,580

Окончание табл.

Жилищно-бытовые условия населения	(X_{11}) – кв. метры площади на душу населения. Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя	-0,644	0,276
Неготовность к рождению детей	(X_{14}) – число абортов на 1000 женщин – контрольный признак (отсутствие ожидаемого демографического события)	-0,406	-0,448

* – из специального вопросника, заимствованного из США респондентам предлагается вопрос:

«Как Вы думаете, изменится ли экономическая ситуация в России через год? Станет ли она намного лучше или намного хуже, останется такой же, станет несколько хуже или несколько лучше? Индекс экономических ожиданий рассчитывается по методике Госкомстата как разница положительных и отрицательных оценок устойчивости экономического состояния в стране через год. Общий объём выборочной совокупности – 5000 респондентов на основе квотной выборки по регионам России [8].

В Забайкалье многие социально-экономические факторы жизни и труда «работают» положительно в отношении среднего числа детей в семье. И этим обстоятельством можно пока пользоваться в сфере демографической политики. Аборты на этом фоне являются мощным отрицательным фактором, тогда как ожидания положительных перемен на потребительском рынке – важнейший субъективный фактор демографического поведения.

В иерархии социально-экономических переменных рождаемости следующим важным *положительным фактором оказался рост инвестиций в основные фонды* на территории региона, величина коэффициента корреляции отмечалась высокой (r = 0,6–0,9) в республике Хакасия и Саха (Якутия), Алтайском, Красноярском, Камчатском, Приморском и Хабаровском краях, а также Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской, Амурской, Магаданской и Сахалинской области. Показатель инвестиций по своей природе более всего близок к факторам социально-экономической политики и реализации её приоритетов на территории России.

Среди факторов уровня жизни положительную связь с суммарной рождаемостью обнаружили показатели обеспеченности услугами здравоохранения, среднедушевые доходы и величина заработной платы женщины. Они, в принципе, оказывают положительное влияние на величину среднего числа детей в областях и краях России. Однако величина положительной корреляции оказалась небольшой в целом по стране. Сегментированный корреляционно-регрессионный анализ выявил высокие коэффициенты тесноты связи (r = 0,7–0,5) среднедушевых доходов с СКР в следующих территориях, расположенных нами в порядке убывания величины r (Красноярский край, Иркутская, Новосибирская, Кемеровская, Омская, Томская области, Республика Саха (Якутия), Камчатский, Забайкальский, Приморский, Хабаровский края, Амурская, Магаданская, Сахалинская области и Еврейская автономная область). Аналогичная ситуация наблюдается и с величиной средней заработной платы женщин в перечисленных выше областях и краях Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Обеспеченность врачами (услугами здравоохранения) также положительно влияет на величину суммарной рождаемости.

Очень сильная обратная зависимость факторов материального благосостояния и рождаемости наблюдается при анализе показателей *обеспеченности семьи автомобилями и мобильной связью.* Так, в регионах Ленинградской области, Калининграда, Москвы, а также на территориях, далёких от Центра России (Тывы, Бурятии, Алтая, Хакасии, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов), величина коэффициентов отрицательной корреляции обеспеченности автомобилями с рождаемостью достигает значимой величины (R= -0,6–0,8), что превышает даже коэффициент корреляции с уровнем абортов по территориям России как своеобразного контрольного показателя. Для сравнения следует отметить, что теснота связи выбранных факторов с величиной коэффициента суммарной рождаемости оказалась более высокой, чем с величиной средней продолжительности жизни населения. Таким образом, в Забайкалье и на соседних территориях положительная связь факторов дохода, занятости, жилищной обеспеченности с суммарной рождаемостью имеет значимую величину, что следует учесть при разработке региональных демографических программ.

Отметим, что проведённый корреляционно-регрессионный анализ вполне актуален в содержательном плане, поскольку выявляет *инновационные подходы* к осмыслению современных институциональных и процессуальных характеристик рождаемости в семье и продолжительности жизни новорождённых. Полученные результаты вполне подходят для обоснования *промежуточных рабочих гипотез и предположений в части влияния социально-экономических факторов на демографическую ситуацию в Забайкалье.*

Список литературы

1. Антонов А. И. Снижение репродуктивных установок и ориентаций российского населения в 1991–2007 годы // Демографические исследования. 2008. № 7. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1466#_ftn1 (дата обращения: 10.11.2012).

2. Борисов В. А. Перспективы рождаемости. М.: Статистика, 1976. 248 с.

3. Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982. 287 с.

4. Население Урала. XX век. История демографического развития. Екатеринбург: Екатеринбург, 1996. 209 с.

5. Методологические положения по организации и проведению обследования потребительских ожиданий населения. Постановление Госкомстата России от 2 августа 1999 г. № 62. URL: http://russia.bestpravo.ru/fed1999/data04/tex16920.htm (дата обращения: 10.11.2012).

6. Blue L., Thomas J. Population momentum across the demographic transition // Population and development Review. 2011. Vol. 37. № 4 (december). P. 721–740.

7. Iacovou M., Tavares L. P. Yearning, Learning and Conceding. Reasons Men and Women Change Their Childbearing Intensions // Population and development Review. 2011. Vol. 37. № 1 (march). P. 89–123.

8. Lesthaeghe R. On Theory development and application to the study of family formation // Population and development Review. 1998. Vol. 24. № 1 (march). P. 1–15.

References

1. Antonov A. I. Snizhenie reproduktivnyh ustanovok i orientacij rossijskogo naselenija v 1991–2007 gody // Demograficheskie issledovanija. 2008. № 7. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1466#_ftn1 (data obrashhenija: 10.11.2012).

2. Borisov V. A. Perspektivy rozhdaemosti. M.: Statistika, 1976. 248 s.

3. Vishnevskij A. G. Vosproizvodstvo naselenija i obshhestvo. Istorija, sovremennost’, vzgljad v budushhee. M.: Finansy i statistika, 1982. 287 s.

4. Naselenie Urala. XX vek. Istorija demograficheskogo razvitija. Ekaterinburg: Ekaterinburg, 1996. 209 s.

5. Metodologicheskie polozhenija po organizacii i provedeniju obsledovanija potrebitel’skih ozhidanij naselenija. Postanovlenie Goskomstata Rossii ot 2 avgusta 1999 g. № 62. URL: http://russia.bestpravo.ru/fed1999/data04/tex16920.htm (data obrashhenija: 10.11.2012).

6. Blue L., Thomas J. Population momentum across the demographic transition // Population and development Review. 2011. Vol. 37. № 4 (december). P. 721–740.

7. Iacovou M., Tavares L. P. Yearning, Learning and Conceding. Reasons Men and Women Change Their Childbearing Intensions // Population and development Review. 2011. Vol. 37. № 1 (march). P. 89–123.

8. Lesthaeghe R. On Theory development and application to the study of family formation // Population and development Review. 1998. Vol. 24. № 1 (march). P. 1–15.

Статья поступила в редакцию 29 декабря 2012 г.